

О.Б. Бубенок

ПОТОМКИ САРМАТОВ В СТЕПЯХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (VI–XIV вв.)

В 1997 г. вышла в свет моя первая монография “Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.)”, на которую обратили внимание в первую очередь болгарские исследователи. Причиной этого следует считать предложенную в книге гипотезу относительно участия уцелевших после гуннской экспансии сарматов в этногенезе протоболгарских племен. Данная концепция во многом совпадала со взглядами Р. Рашева [Рашев 1993]. Со временем я попытался более детально развить данную гипотезу в своих статьях и в докторской диссертации [Бубенок 2006]. Однако это, к сожалению, осталось незамеченным моими коллегами, которые до сих продолжают ссылаться на мою книгу, изданную более 15 лет назад.

Так, в 2010 г. в Софии была опубликована монография Б. Живкова “Хазария през IX и X век”, в которой автор высказал сомнения относительно участия сармато-аланских племен в этногенезе протоболгар. Причиной этого стали некоторые действительно неясные извлечения из моей монографии. В частности, Б. Живков отметил: «По О. Бубенку, часть сармато-аланских племен продолжала кочевать в Юго-Восточной Европе и после гуннского нашествия. Свидетельством этого является материальная культура степного населения в раннее Средневековье. О. Бубенок считает, что степной вариант салтовской культуры, характеризующийся обрядом погребения не в катакомбах, а в ямах, принадлежал упоминаемым в X–XIII вв. ясам (асам). Так как этот вариант салтовской культуры был определен как болгарский (“тюркоязычных болгар”), то О. Бубенок предполагал вхождение иранцев (сарматов) в болгарскую этническую общность» [Живков 2010, 37–38]. В связи с этим следует отметить, что Б. Живков правильно изложил суть предложенной гипотезы. Однако необходимо заметить, что некоторые детали предложенной идеи стали не до конца понятны болгарскому исследователю.

Во-первых, Б. Живков отмечает: “Совсем неожиданно за этим О. Бубенок утверждает, что в донских и приазовских степях в раннее Средневековье жили сарматы и болгары, хотя неясно, как разграничивать одних от других. Это основано на ямных погребениях, которые широко были распространены перед гуннами в Восточной Европе. И при этом немало аналогий памятникам салтовской культуры в Центральной Азии, а источники не упоминали болгар в том районе, следовательно образование болгарского этноса произошло в Восточной Европе” [Живков 2010, 38]. Необходимо признать, что замечание относительно разграничения потомков сарматов и тюркоязычных болгар вполне резонно. Логичным выглядит также его предположение и о формировании болгарского этноса в степях Восточной Европы, а не Центральной Азии. Однако Б. Живков упускает тот момент, что в условиях кочевого быта материальная культура не может являться основным этническим маркером.

Во-вторых, Б. Живков приписал мне то, о чем я не писал: “По О. Бубенку, болгары, в сущности, не существовали в степях Восточной Европы, а все население степного варианта салтовской культуры было представлено ясами. О. Бубенок пришел к выводу, что ямные и катакомбные погребения были оставлены аланами и в дополнение ко всему с аланами были связаны и трупосожжения” [Живков 2010, 38]. Вынужден возразить:

я имел в виду, что лишь часть ямных погребений салтовской культуры могли быть оставлены потомками сарматов, которых в послехазарский период древнерусские источники могли называть “ясами”. С последними следует связывать распространение так называемого “зливкинского” антропологического типа, генетически связанного с населением восточноевропейских степей в догуннское время. Что же касается трупосожжений салтовской культуры, то их происхождение я так и не смог определить.

Стало быть, настало время более детально изложить свою концепцию, основываясь не только на информации археологических и письменных источников, но и привлекая данные антропологии, этнологии и этнонимии. Пожалуй, наиболее четкую картину о процессе интеграции ираноязычных родоплеменных групп в среду тюркоязычных кочевников дают данные этнографии. Особо показателен в этом отношении туркменский материал.

Необходимо обратить внимание на выводы Г.Е. Маркова относительно процесса формирования туркменских племен: “...очень многие, если не все позднейшие туркменские племена, возникали и сформировались из самых разнообразных распадавшихся туркменских групп и даже иноплеменного населения. Возникнув, новые племена связывали свое происхождение с традиционной туркменской генеалогией” [Марков 1961, 15].

Эти процессы нашли свое отражение в сочинении хивинского автора XVII в. Абу-л-Гази “Родословная туркмен”, где содержатся сведения о генеалогии многих племенных и родовых групп в составе этого народа. Однако в данном случае следует обратить внимание на мнение Г.П. Васильевой: «...хорошо известно, что позднесредневековые родословные, составлявшиеся под влиянием родоплеменной феодализирующейся знати, стремившейся доказать свое родство с “прямыми” потомками Огуз-хана, были в известной мере тенденциозными. Политические связи в родословных нередко представлены в виде родственных, а подчиненные племена объявляются младшими по происхождению» [Васильева 1985, 84].

Хивинский автор сообщает об аланах в составе туркмен: “У Суварджика был сын по имени Хуршид. Иль Олам ургенчли – потомки Хуршида” [Кононов 1958, 74]. Упоминание племени **Олам ургенчли** позволяет согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что в данном случае речь идет именно о потомках аланов. К этому следует добавить, что вторая часть данного этнонима – **ургенчли** может свидетельствовать о прежнем проживании данной этнической группы вблизи Ургенча. Это же находит подтверждение и в данных этнографии.

Так, в 20-е – начале 30-х годов XX в. этнографом А. Бахтиаровым (Г.И. Карповым) в Туркменистане, Узбекистане, Таджикистане и даже в Афганистане были зафиксированы родоплеменные группы туркмен, носящие названия **олам** или **улам**. По данным А. Бахтиарова, данная этническая группа «встречается... под названием олам в Серахском районе, в составе племени Салыр (ветвь “Караман”...) и улам, в Ходжамбасском районе, где они живут обособленно от туркмен-арсаринцев, сохраняя чистоту крови, не смешиваясь с другими, в том числе турецкими племенами». Что касается их языка, то, по данным А. Бахтиарова, он “туркменский, схожий с диалектом сарыков и иомудов” [Бахтиаров 1930, 39–40]. А. Бахтиаров (Г.И. Карпов) считал носителей этнонимов **олам** и **улам** аланами, и для этого были определенные основания. Так, его информаторы сообщили, что “олам раньше назывались алан” [Карпов, Арбеков 1930, 28]. Данное сообщение подтверждается наличием рода **Алан** среди представителей племени **улам**, проживавшего компактно в Ходжамбасском районе Туркменистана. Кроме того, племя **улам** включало в свой состав роды: **Кара-Мугул**, **Хаким**, **Кызыл** [Бахтиаров 1930, 39]. Обращает на себя внимание также факт существования рода или подразделения рода (уруга) **Олам** в составе родового объединения (тайфа) **Караман** в составе большого туркменского племени **Салор (Салыр)** [Карпов, Арбеков 1930, 27]. Эта часть салорского

племена еще в 20-е годы XX в. проживала на территории Серахского района в Юго-Восточном Туркменистане [Бахтияров 1930, 39].

Особо следует отметить положение рода (уруга) **Олам** в составе большого туркменского племени **Салор**. Сама родовая структура племени **Салор** довольно сложная. Племя **Салор** делится на три большие родовые ветви – **тайфа**, которые объединяют несколько небольших родовых групп – **уруг**, а те, в свою очередь, имеют более мелкие подразделения – **тире** (кровнородственная группа – колено) и **бир** (потомки от одного отца). В этой связи следует отметить, что салоры разбиваются на три “тайфа” – Качага, Караман и Яловач. В составе “тайфа” Караман имеется уруг **Олам (Алан)**, который представляет собой лишь один из четырех десятков “уругов”, входящих в “тайфа” Караман. Кроме того, названия “уругов” весьма различны по своему происхождению и могут указывать как на результат деления больших родов и на географическое положение – род **Кызыл** (“красный” обозначал у тюрок юг), – так и на включения на правах родовых групп осколков предыдущих этнических групп, включенных завоевателями в состав своих племен. Свидетельством последнего может являться уруг **Олам**, в котором можно видеть осколок ираноязычной этнической группы [Карпов 1930, 26–27]. Аналогичную картину видим в небольшом туркменском племени **улам**, которое включало в свой состав роды: собственно **Алан** (осколок ираноязычной этнической группы), **Кара-Мугул** (черные монголы), **Хаким**, **Кызыл** (красный) [Бахтияров 1930, 39]. Получается, что даже в племени **Улам (Алан)** потомками этнических аланов можно считать лишь представителей одного рода.

По данным Г.П. Васильевой, этногенез туркмен представлял довольно сложный процесс: “...с IX в. на территорию нынешней Туркмении начинают проникать огузы, сыгравшие главную роль в этногенезе туркмен. Основная масса огузов, появившихся с северо-востока вместе с сельджуками в XI в., появилась здесь и постепенно слилась с местным населением. Процесс формирования туркмен завершился, видимо, в XIV–XV вв., когда после монгольского завоевания сложились новые племенные объединения. В их состав вошли также более поздние тюркские племена неогузского происхождения, в частности кипчаки...” [Васильева 1964, 2]. Таким образом, получается, что главным фактором в этногенезе кочевых этнических групп является сложение из различных этнических компонентов устойчивой родоплеменной организации, отразившейся в названиях племен и родов. По этому поводу Г.П. Васильева отметила: “...название родов и племен, как **абдал**, **языр** (карадашлы), **олам** и многие другие, свидетельствуют о вхождении в состав туркменского народа древних догузских племен и народов – эфталитов, языров-асов, аланов и других местных ираноязычных племен” [Васильева 1964, 2]. Кроме того, следует обратить внимание на одну закономерность общества кочевников – внутри племенного объединения, а также внутри племени существовала строгая иерархия племен и родов в зависимости от происхождения, что на деле означало отражение политического господства этноса-завоевателя над побежденной этнической группой. Так, по наблюдениям Г.И. Карпова (А. Бахтиярова), “среди салорских родов существует деление на старшие роды и младшие” [Карпов 1930, 26]. Поэтому вполне вероятно, что аналогичные процессы происходили и в степях Восточной Европы в раннее Средневековье, когда на исторической арене появились племена протоболгар. В качестве подтверждения этого следует привести также информацию о существовании в среде других кочевых народов Евразии родоплеменных групп, носящих название **ас**, что являлось у большинства тюрко-монгольских народов обозначением для аланов.

Так, наименование **Асс** еще в недавнем прошлом сохранял один из родов узбекского племени **кыпчак**, проживавшего в левобережном Хорезме (ныне Амударьинский район Каракалпакии в составе Узбекистана) [Толстова 1977, 152; Толстова 1978, 10–11; Толстова 1984, 187]. Однако данная родовая группа уже давно была ассимилирована

тюркоязычными соседями. Известно даже племя *Асум* (*Асы*) в составе монголов. Его появление следует связывать с событиями после 1368 г., когда в Китае пала монгольская династия Юань. Тогда же последний монгольский император Китая Тогон-Тимур покинул Пекин и ушел в старую монгольскую столицу г. Каракорум. Вместе с монголами в степи Центральной Азии последовали и их союзники-асы. В результате этого и появилось племя *Асум* [Горский 1852, 102–103]. По мнению Б.Я. Владимирцова, эти асы еще во времена существования Монгольской империи успели “омонголиться”, и поэтому “происхождение монгольского племени *Асум* следует связывать с аланами-асами, которые когда-то составляли правое крыло монгольского войска” [Владимирцов 1934, 131, прим. 8].

Примером успешной интеграции ираноязычных аланов-асов в родоплеменную структуру тюркоязычных кочевников может являться также ситуация с позднесредневековыми ногайцами. Известно, что в состав причерноморских и прикавказских ногайцев вошли роды, которые назывались *Асс* [Бушаков 1992, 14]. Как известно, в конце XV в. ногайцы причерноморских степей были подчинены крымскими Гиреями и впоследствии переселены на территорию Крымского полуострова, где приобрели особый социальный статус и их элита стала наиболее влиятельной при ханском дворе [Гоман 2002, 15–16]. Исходя из этого, можно предположить, что после событий конца XV в. родовые подразделения асов в составе ногайцев могли переселиться из степей Северного Причерноморья в степную часть Крыма и впоследствии осесть на полуострове. Поэтому в степной части полуострова могли появиться поселения, содержавшие в своем названии этнический показатель *Асс*.

Так, находящееся возле Перекопа селение, носящее ныне название Днестровка, в начале XX в. носило двойное название – *Асс-Найман* [Кримська область 1974, 66], а еще в начале XIX в. на его месте существовали два поселения, имевшие названия *Ас* и *Найман*. Это может свидетельствовать о слиянии этих двух поселений в одно целое уже на протяжении столетия. Аналогичная ситуация отмечается с возникновением названий других населенных пунктов, находящихся рядом в степной части Крыма: *Асс-Джаракчи*, *Табулды-Асс*, *Темеш-Асс*, *Тереклы-Асс*. В степной части Северо-Западного Крыма до Второй мировой войны существовали также поселения *Биюк Асс* (*Большой Ас*) и *Кучук Асс* (*Малый Асс*). Отмеченные топонимы находились в местах традиционного расселения ногайцев. Обычно ногайцев представляют как исключительно кочевой этнос, мало подвергшийся процессу седентаризации. Поэтому требует объяснения факт, почему находящиеся в составе ногайцев родовые группы *Асс* подверглись оседанию на землю.

В свое время автор данной статьи на основе сравнительного анализа разнообразных кочевых обществ, значительно отдаленных друг от друга в пространстве и времени, пришел к выводу, что они имели общие черты социальной организации. Так, социальное положение каждого слоя кочевого общества зависело не от материального достатка, как это утверждали марксистские исследователи, а от того, к каким кланам (родам), племенам, этносам принадлежали эти группы. Было замечено, что самую высокую ступень в этой социальной иерархии занимали те роды (кланы), вокруг которых консолидировались племена, союзы племен, политические альянсы. Поэтому они пользовались незыблемым авторитетом среди других представителей объединения. Из их числа выдвигались вожди кланов, племен, политических объединений (каганы, ханы). На второй позиции должны были находиться роды (кланы), племена и даже этносы, которые были приближены к верховной власти. В вассальной зависимости от первых находились представители порабощенных родов (кланов), племен, народов. Их отношения с завоевателями ограничивались выплатой дани, воинской повинностью и т.п. Наиболее низкую ступень в кочевом обществе занимали рабы, которые у кочевников появлялись вследствие военных походов, то есть они были преимущественно иноэтнического проис-

хождения. Тем не менее количество рабов у кочевников было незначительным и их положение не было крайне тяжелым. Это можно объяснить особенностями кочевого хозяйства, которое никогда не требовало много рабского труда. Учитывая это, был сделан вывод, что подразделения степных объединений относились к различным хозяйственным типам. Это означает, что племена номадов, которые выращивали скот, политически властвовали над теми племенами, которые вели полуседлый образ жизни. Наиболее низкую ступень в этой иерархии занимало оседлое земледельческое население. Мы можем наблюдать эту ситуацию еще в античные времена, в Средневековье и даже сегодня. Другими словами, можно вести разговор о том, что эта особая черта не зависела ни от времени, ни от пространства, то есть это было характерной особенностью для всех кочевых обществ. А это означает, что в степи племена и родовые группы завоевателей занимались наиболее престижным занятием – разведением скота, а подчиненные племена и роды перешли к земледелию и ремеслам [Бубенок 2002, 131–144].

Именно эти наблюдения позволили согласиться со следующим мнением А.М. Хазанова: “...формы социальной организации у всех евразийских кочевников демонстрируют значительную схожесть. У всех она базируется на родоплеменной основе. Территориальные связи развиваются лишь в случае завоевания земледельческих областей или на случай развития процессов седентаризации. В этом отношении нет никаких оснований для разделения древних кочевников и кочевников более позднего времени” [Хазанов 1975, 729]. Довольно интересно, что в предложенную схему вписываются, например, арабоязычные бедуины Аравии и Северной Африки и их соседи в степи.

Юго-Западная Азия и пустыня Сахара интересны тем, что там еще и до сих пор сохраняется значительное количество кочевников, которые продолжают вести традиционный образ жизни. Поэтому кочевые общества ближневосточного региона оказались наиболее исследованными этнологами и антропологами, что значительно дополняет наши представления о традиционной социальной структуре кочевников. В связи с этим обратим внимание на кочевые общества Аравии.

Так, “настоящими” кочевниками считались племена, которые занимались разведением верблюдов и на которые распространялись термины “жители пустыни” (*бадавийун – бедуины*) или “люди верблюдов” (*ахл ал-джамал*). От “настоящих” кочевников-бедуинов отличались племена кочевников, которые занимались разведением мелкого рогатого скота (коз, овец). Традиция назвала их “людьми мелкого рогатого скота” – *ахл ал-ганам*. К числу последних следует отнести *бану сулубба*. Кочевники племени *сулубба* считаются наиболее никчемными и потому имеют право заниматься животноводством, ремеслами, охотой и т.п. лишь в определенных границах. Соответственно традиции, кочевники *бану сулубба* имеют право устанавливать свои палатки на расстоянии не ближе 14–16 км от города или поселка других племен, так как остальные арабы стараются избегать общения с ними. Вполне возможно, что такое обособление последних от остального населения Аравии могло стать следствием их изначального этнического отличия от племен кочевников-бедуинов, которые их подчинили. Что же касается земледельцев-фаллахов, то в Восточной Аравии они находились в подчиненном положении относительно племен бедуинов, но занимали более высокую ступень в социальной иерархии, чем *ахл ал-ганам*. В этом следует видеть этническое родство фаллахов с бедуинами, что указывает на прежнюю их связь с кочевым образом жизни. Наиболее низкую ступень в обществе Аравии занимали рабы. В подавляющем большинстве рабами были пленные и завезенные сюда африканцы, в меньшем количестве – индийцы и представители других азиатских народов. Рабы (абиды) пасли скот, обрабатывали землю и т.п. [Бодянский 1986, 66–75, 79–80, 82–83; Першиц 1961, 88–104, 133–149].

Аналогичная ситуация наблюдается и среди кочевников Сахары, где бедуинские арабские племена постоянно сосуществовали с кочевниками-берберами. Довольно интересны в этом отношении кочевники Западной Сахары в конце XIX – в начале XX в.

По наблюдениям В. Зейберга, господствующее положение там заняло арабское племя *бану хасан*, которое оттеснило берберские группы *илемтен* с господствующих позиций. Социальной основой *бану хасан* была группа, в состав которой входили потомки одного пращура до седьмого колена. Большая линия такого типа представляла собой мужское ядро подплемена – *фахад*. С течением времени *фахад* расширялся и увеличивался, и тогда это подплемя становилось племенем. Племена в Западной Сахаре часто формировались путем соединения подплемен, хотя не всегда родственных. Таким образом, в состав *бану хасан* вошли и подразделы берберского происхождения. По наблюдениям В. Зейберга, эндогамия была характерной чертой племени, а не подплемена [Зейберт 1977, 8–12, 21]. В Западной Сахаре среди кочевых племен наибольшее могущество имели *бану хасан*, и потому термин *араб* приобрел там социально-политическое значение. Среди местных арабских и берберских племен были такие, которые требовали военной защиты, – *лахма*. Поэтому они попадали под суверенитет “арабов”. Такое положение предусматривало выплату дани более сильному племени – *дабиха*. Кроме того, в среде кочевых племен Западной Сахары существовали этнопрофессиональные группы, которые, по определению В. Зейберга, занимали более низкое социальное положение, чем кочевники. На более низком социальном положении находились вольноотпущенники, бывшие рабы – *хратин*, которые брали в аренду у кочевников скот и земельные участки. Наиболее низкую ступень в обществе занимали рабы – *абид*, которые проживали отдельно от лагеря своих хозяев и занимались земледелием. Раз в год, во время сбора урожая, кочевники – хозяева земельных участков, которые обрабатывались *абид* и *хратин*, приходили получить свою часть урожая [Зейберт 1977, 14–21].

Исходя из данных примеров, можно считать, что ираноязычные родовые группы в составе племен завоевателей-тюрок должны были занимать более низкое социальное положение, чем завоеватели. Это должно было найти отражение и на характере хозяйственной деятельности. Таким образом, в условиях оседания перейти к занятиям земледелием и ремеслами первыми должны были потомки покоренных аланов-асов, а роды тюрок-завоевателей всегда стремились сохранить свою связь с кочевым образом жизни. Следовательно, это наблюдение поможет объяснить процессы, происходившие внутри протоболгарских племен в раннее Средневековье.

Исследователи уже давно обратили внимание на то, что первые достоверные сведения о болгарях (протоболгарах) относятся к концу V в. Именно тогда Иоанн Антиохийский писал, что император Зенон обратился к болгарам за помощью для борьбы с остготами [Генинг, Халиков 1964, 101; Кляшторный, Султанов 2000, 135]. Тем не менее в некоторых исторических хрониках есть упоминания о том, что болгарские племена оказались на территории Восточной Европы задолго до гуннского нашествия. Так, о болгарях речь идет в сообщении армянского историка Моисея Хоренского, который ссылается на сирийского автора IV в. Мар-Аббаса Катину. В частности, Моисей Хоренский сообщает, что в 149–127 гг. до н.э. болгары, которые раньше жили на север от Кавказских гор, напали на Армению [Моисей Хоренский 1858, 81, 87]. Кроме того, информация о болгарях содержится в анонимном византийском хронографе 354 г., который был переписан в V в. Там речь идет о событиях накануне 230 г. н.э. и дается перечень народов, которые жили на север от Кавказа, где на последнем месте упоминаются булгари (*vulgares*) [Сиротенко 1961, 17; Кляшторный, Султанов 2000, 134]. Однако следует учитывать то, что сведения о пребывании болгар (протоболгар) в Восточной Европе в догуннское время имеют компилятивный характер. У нас нет уверенности в том, что переписчики не заменили этнонимом *булгары* название какого-либо другого народа.

В последнее время среди многих исследователей получила поддержку гипотеза С.Г. Кляшторного, согласно которой протоболгары – это потомки огуров (огузов), которые пришли в Восточную Европу из Центральной Азии в конце IV в. В соответствии с

этой гипотезой, начало этногенеза протоболгар следует связывать не с гуннским нашествием, а с событиями V в., описанными Приском Панийским [Кляшторный, Султанов 2000, 134–139]. Так, Приск сообщает, что в 463 г. к императору Восточной Римской империи прибыло посольство от “Сарагуров”, “Урогов” и “Оногуров” с просьбой помочь в борьбе против “Уннов-Акатиров”, которые тогда обитали в степях вблизи Кавказа. Причиной этой миграции, по словам Приска, стало давление с востока савиров, на которых давили авары, где на последних, в свою очередь, напали народы, которые жили возле берегов “океана” [Приск 1861, 87–88]. С.Г. Кляшторный это движение народов объясняет тем, что в первой половине V в. возле северных границ китайского государства Тоба Вей образовалось государство жуань-жуаней, которые испытали нападение со стороны китайцев, что в результате привело к нарушению силового баланса среди племен Евразийской степи. Вследствие этого западная группа огузов оставила свои земли в западной части Центральной Азии и перешла Волгу [Кляшторный, Султанов 2000, 136].

Данные археологии и антропологии позволяют поддержать данную гипотезу. Прежде всего, необходимо объяснить, почему среди протоболгар был распространен так называемый “зливкинский” антропологический тип и захоронения в подбоях и в ямах с заплечиками, что получило распространение в предшествующую сарматскую эпоху. Следует сделать определенные уточнения относительно происхождения “зливкинского” антропологического типа. Несколько десятилетий назад в науке с легкой руки Г.Ф. Дебеца получила распространение гипотеза, в соответствии с которой черепа носителей “зливкинского” типа находят аналогии среди брахикранных краниологических серий сарматской эпохи Нижнего Поволжья III в. до н.э. – III в. н.э. [Дебец 1948, 256]. Однако проведенные несколько лет назад С.Г. Ефимовой и Т.С. Кондукторовой исследования свидетельствуют о том, что антропологический тип раннесредневекового населения Восточной Европы, который традиционно связывается с протоболгарами и их потомками, не отмечался однородностью. Прежде всего, была выявлена антропологическая близость материалов “раннеболгарских” могильников на Волге и серий саргатской культуры Западной Сибири (IV в. до н.э. – II в. н.э.). Результаты канонического анализа также подтверждают значительное сходство морфологического типа, связываемого с болгарами Восточной Европы, и населения юго-востока Западной Сибири, Казахстана и Алтая в эпоху железа. Кроме того, исследователями было отмечено, что серии Кайбельского могильника на территории Волжской Булгарии и более позднего Каменского могильника в Поднепровье, связываемого с потомками протоболгар, имеют близость к сериям сарматского времени степей Поволжья и Казахстана [Ефимова, Кондукторова 1995, 562–583]. Итак, данные антропологии позволяют говорить о том, что в этногенезе протоболгар приняли участие, по крайней мере, представители двух общностей.

Данные археологии также не исключают возможности участия потомков сарматов Нижней Волги и других регионов Восточной Европы в этногенезе протоболгар. Прежде всего, особый интерес представляет Нижнее Поволжье. По наблюдениями М.Г. Мошковой, во II в. в степях Восточной Европы сформировалась так называемая “позднесарматская” культура, которая сменила “среднесарматскую”. Для большинства погребений этой культуры были присущи следующие черты: захоронения в большинстве случаев были осуществлены под курганными насыпями; на востоке в Заволжье и Приуралье преобладали основные погребения (95%), в междуречье Волги – Дона их было 50%, а в Северном Причерноморье преобладали впускные погребения в курганных насыпях; в междуречье Днестра – Дуная были известны и грунтовые могильники; погребальные сооружения были в виде длинных прямоугольных грунтовых ям, квадратных могил, ям с заплечиками, подбойных могил, катакомб и т.п. На востоке в границах распространения культуры преобладали подбойные могилы, а в западных регионах – ямные; во многих случаях практиковались деревянные перекрытия; ориентация погребальных

сооружений и соответственно тому ориентация покойников была осуществлена преимущественно в направлении север – юг; в подавляющем большинстве покойники находились в вытянутом положении на спине, иногда со скрещенными ногами, иногда – в скорченном положении на боку или на спине. Со II в. н.э. в восточных регионах в погребениях получила распространение искусственная деформация черепов. По мнению М.Г. Мошковой, в Северном Причерноморье в III в. н.э. вследствие готских походов памятники этого типа почти исчезли, а в более восточных регионах после экспансии гуннов в IV в. носители этой культуры были постепенно ассимилированы тюрками [Мошкова 1989, 191–202].

Не меньший интерес представляет ситуация в степях Предкавказья в предгуннский и послегуннский периоды. По данным М.П. Абрамовой, к III в. на этой территории преобладали подкурганые погребения в катакомбах, потом был зафиксирован отток этого кочевого населения к степям Заволжья, что можно объяснить экспансией готов в Северном Причерноморье. Во время гуннского нашествия большинство курганных могильников с катакомбным обрядом погребения в степях Северного Кавказа прекратили свое существование, что можно связывать с деятельностью гуннов, которые могли включить местное население в состав своей конфедерации [Абрамова 1989, 268–281]. Поэтому большой интерес может представлять происхождение населения, которое в VI–VII вв. оставило на Северном Кавказе могильники нового типа [Ковалевская 1981а, 51; Ковалевская 1981б; Ковалевская 1995; Геннинг, Халиков 1964, 122–123; Нечаева 1961, 157–158; Димитров 1987, 84–86; Рашев 2000, 52–57]. То есть новые черты в погребальном обряде дают основания считать местное население пришлым, которое могло появиться здесь вследствие событий, связанных с Великим переселением народов.

Проведенный картографический анализ позволил увидеть одну существенную закономерность: погребения V–VIII вв., которые связываются исследователями с потомками сармато-аланов, были обнаружены в степях Поволжья и Приуралья на север от тех территорий, которые прилегали к дельте Волги [Максимов 1956]. Поэтому можно предположить, что в период Великого переселения народов, связанного с миграциями гуннов и огурских племен с Востока на Запад, в IV–V вв. значительная часть поздних сарматских племен в районе дельты Волги была сдвинута пришельцами со своих территорий и потом они оказались на других землях. Ближайшей территорией были степи Предкавказья. Очевидно, этим можно и объяснить, почему во время гуннского нашествия исчезло большинство подкурганых катакомбных могильников в степях Северного Кавказа [Абрамова 1989, 268–281], а на их месте в VI–VII вв. появились могильники, которые во многих случаях наследовали традиции погребений кочевников Нижнего Поволжья и Заволжья позднего этапа предшествующей сарматской эпохи [Саханев 1914; Ковалевская 1981а, 51; Ковалевская 1981б; Ковалевская 1995; Геннинг, Халиков 1964, 122–123; Нечаева 1961, 157–158; Димитров 1987, 84–86; Рашев 2000, 52–57]. В данном случае имеет смысл вести разговор об участии потомков сарматов Нижней Волги в процессе формирования культуры протоболгар Приазовья.

Данные археологических раскопок свидетельствуют о том, что в VI–VII вв. на Северо-Западном Кавказе функционировали могильники, для которых были присущи следующие черты, резко отличающие их от некрополей местного кавказского происхождения: грунтовые ямы с заплечиками; в ряде случаев наличие деревянных гробов; северная или северо-западная ориентация покойников, положенных в вытянутом положении на спине; наличие инвентаря, представленного оружием, украшениями, лошадиным снаряжением; в некоторых случаях искусственная деформация черепа и т.п. К числу этих некрополей следует отнести могильники возле станиц Пашковская и Новолабинская и др. У исследователей существуют основания связывать их с западным подразделением протоболгар – утигурами [Ковалевская 1981а, 51; Ковалевская 1981б; Ковалевская 1995; Геннинг, Халиков 1964, 122–123; Нечаева 1961, 157–158; Димитров

1987, 84–86; Рашев 2000, 52–57]. К этому же типу следует отнести также памятники так называемого “сивашовского” типа, большинство из которых были расположены в степях Северного Приазовья. Среди них были впускные погребения в курганные насыпи предшествующих времен (иногда в подбоях), где покойники лежали в вытянутом положении на спине и сопровождались инвентарем и скелетами лошадей. К их числу следует отнести погребения из сел Ковалевки, Яблони, Новой Одессы, Костогрызово и др. Кроме того, были исследованы грунтовые погребения в прямоугольных или овальных ямах, часто с подбоями и заплечиками, с перекрытиями из дерева и довольно часто с инвентарем. Такие погребения были выявлены возле Сивашовки, Черноморского, Сивашского и др. Некоторые исследователи этих памятников склонны связывать их с пребыванием протоболгар [Рашев 2000, 16–37; Приходнюк 2001, 39–41]. Имеет смысл считать эту группу памятников следствием пребывания здесь западной группировки протоболгар – кутригуров.

Характерно, что эти процессы нашли отражение в письменных источниках. Так, готский историк Иордан отмечал, что после смерти Атиллы во второй половине V в. часть гуннов ушла из Паннонии на Восток и поселилась в степях Причерноморья [Иордан 1960, 118–120]. Иордан сообщал, что в середине VI в. в причерноморских степях жили булгары [Иордан 1960, 37]. Именно это заставило некоторых исследователей считать, что под названием *гунны* могли быть известны во многих случаях булгары. После Иордана этноним *булгары* временно исчезает со страниц хроник, а вместо него во второй половине VI в. историки начинают употреблять этнические названия *кутригуры* и *утигуры*. Так, Прокопий Кесарийский и Агафий писали, что восточнее Танаиса (Дона. – О.Б.) в стране Эвлисии живут утигуры, а на запад – кутригуры [Прокопий... 1959, 385–388, 434–438, 467; Агафий 1953, 73, 88–89, 147–149]. Поэтому логично предположить, что названия *кутригуры* и *утигуры* использовались вместо этнического термина *булгары*. Стало быть, во второй половине VI в. конфедерация приазовских протоболгар разделилась на две части. Именно в потомках утигуров и кутригуров исследователи склонны видеть основателей Великой Болгарии [Артамонов 1962, 160–169; Гадло 1979, 95–113; Новосельцев 1990, 73–75].

В свое время Д.М. Данлоп предложил довольно оригинальную гипотезу относительно происхождения этнонима *болгар*: «Однако мы не можем не принимать во внимание и точку зрения о том, что этнические названия *булгар* и *башкир* имеют, по сути, одинаковое происхождение. Некоторые отличия в орфографии слов объясняются происхождением от двух различных вариантов тюркского языка – “лир” или “шаз”. Сочетание букв *бил* или *биел* в тюркском “лир” будет соответствовать буквосочетанию *баш* в тюркском “шаз”. Вторая часть обоих этнонимов одинакова и состоит из букв *-гур* или *-гор*. Оба этнонима переводятся как “пять огуров (уйгуров)”» [Dunlop 1954, chapter 2]. Аналогичного мнения придерживались О. Прицак и П. Добрев, которые также считали, что термин *болгары* означал “пять огуров” [Добрев 2002, 37–41; Рашев 2004, 16].

В связи с этим большой интерес представляет также происхождение термина *оногур*. С.Г. Кляшторный предлагает переводить с тюркских языков термин *он-огур* как “десять [племен] огуров”. При этом исследователь ставит знак равенства между термином *огур* и этническим названием *огуз* [Кляшторный, Султанов 2000, 137]. Уже давно доказано, что язык протоболгар был близким к чувашской, а не к огузской подгруппе тюркской группы языков. Основанием для такого мнения стал анализ числительных в “Именнике болгарских ханов”, фрагментарных надписей греческими буквами времен Первого Болгарского царства на Балканах и т.п. [Куник, 118–161; Кулаковский 1996, 323–333; Ашмарин 1902; Pritsak 1981]. Поэтому можно согласиться с объяснением Р.А. Агеевой относительно происхождения названия *оногур*. По мнению исследователя, болгаро-тюркский этнический термин *onogur* состоит из *on* – “десять” и *ogur* – “стрела”, как название племени. При этом исследователь придерживается мнения, что слово

ogur, или *oguz*, может выступать как в качестве этнонима, так и самостоятельной единицы [Агеева 1990, 65–66]. В связи с этим имеет смысл отметить, что у тюркютов также символом племени была стрела и тюркский эль традиционно состоял из десяти племен и потому эти тюрки называли себя “десятистрельный народ” [Кляшторный, Султанов 2000, 86–87]. Следовательно, название *оногур* могло уже возникнуть в центре Азии еще до переселения его носителей в степи Северного Кавказа. С другой стороны, невозможно представить, чтобы все десять кочевых племен оногуров могли разместиться в степях Предкавказья.

Обращает на себя внимание то, что Приск в своем произведении дал несколько племенных названий: *Сарагуры*, *Уроги (Угуры)* и *Оногуры* [Приск 1861, 87–88]. Если исходить из того, что оногуров было десять племен, то перейти Волгу могла лишь часть из них – десять кочевых племен не смогли бы разместиться в степях Волго-Донского междуречья. А это может означать, что мы имеем дело не с названиями отдельных племенных объединений, а с вариантами самоназваний одной племенной группировки, где *огур* и *оногур* должны были быть первоначальными названиями. Поэтому большой интерес может представлять происхождение названия *сарагур*. С.Г. Кляшторный предлагает рассматривать этот этноним как *сар огур* – “белые огуры” [Кляшторный, Султанов 2000, 137]. В связи с этим уместно вспомнить наблюдение О. Прицака, согласно которому у давних кочевников Центральной Азии запад обозначался белым цветом, если существовала северная ориентация [Pritsak 1981a, 376–383]. Стало быть, сарагуры были той западной частью оногуров, которые перешли Волгу и поселились в степях Предкавказья. Если учесть, что конфедерация племен у кочевников традиционно делилась на западную и восточную группировки – левый и правый фланги, то количество племен сарагуров должно было бы насчитывать пять племен. Следует напомнить, что первые достоверные сведения о булгарах как раз и относятся к концу V в. Речь идет о сообщении Иоанна Антиохийского [Генинг, Халиков 1964, 101; Кляшторный, Султанов 2000, 135]. Как видим, этнические термины *сарагуры* и *булгары* появились одновременно, и потому мы можем быть уверены, что они обозначали одну и ту же группировку пришлых кочевых племен.

Поэтому особый интерес представляет также происхождение названий протоболгарских племенных союзов – *утигуры* и *кутригуры*. Так, в древнетюркском языке существовал термин *ÛĖ*, который означал “три” [Древнетюркский словарь 1969, 621]. Следовательно, в первой части этнонима *утигур* следует видеть числительное *ут* в значении “три”. Для сравнения можно привести древнетюркское числительное *утиыз* – “тридцать” [Радлов 1893б, 1707]. Таким образом, название племенного союза *утигуры* может означать “три огуры” или “три племени огуров”. Исходя из этого, можно считать, что в состав кутригуров должны были входить два огурских племени. Имеет смысл объяснить и происхождение названия *кутригуры*, так как в древнетюркском языке существовал термин *KÖTÜRİ*, который имел значения “позади” или “в западном направлении” [Древнетюркский словарь 1969, 521]. Следовательно, название *кутригуры* могло означать “западные огуры”, если учесть, что кутригуры проживали на запад от утигуров. Однако предложенная модель находится в противоречии с данными “Именника болгарских ханов”, в соответствии с которым верхушку болгар составляли гунны из рода Дуло, к которому принадлежал сам Аттила [Куник 1879, 128–129]. Представляется возможность объяснить и этот пассаж.

Мы знаем, что часть кутригуров во время рейда аваров переселилась с ними дальше на запад. Менандр под 568 г. упоминал кутригуров как союзников аваров в борьбе против Византии и при этом даже указал их количество – 10 тысяч, то есть имелись в виду мужчины-воины [Менандр 1860, 391–392]. О булгарах, подвластных аварам в Паннонии, упоминал и Феофилакт Симокатта под 595 г. [Феофилакт 1957, 156], а также автор “Хроники Федегара” под 631–632 гг., где вождем болгар был назван Кувер [Ронин 1995,

371]. Поэтому можно согласиться с мнением А.В. Комара, в соответствии с которым значительная часть кутригуров была переселена в Паннонию, где они со временем снова стали известны как “булгары” [Комар 2001, 144–145]. Если исходить из наблюдений А.А. Тортики об общем количестве каждого протоболгарского племени в 30–40 тыс. человек [Тортика 1999, 12] и учитывать количество воинов у паннонских кутригуров в 10 тысяч, о чем сообщает Менандр [Менандр 1860, 391–392], то имеются основания говорить о том, что, по крайней мере, одно племя кутригуров во второй половине VI в. переселилось с аварами в Паннонию. Таким образом, в Приазовье в начале VII в. осталось четыре болгарских племени: три племени утигуров и одно племя кутригуров.

В 603 г., когда Первый Тюркский каганат, в состав которого входили утигуры, окончательно распался на два каганата – Западный и Восточный, начался процесс консолидации протоболгарских племен, то есть снова возникли предпосылки для формирования союза пяти племен – Великой Болгарии. Но для образования конфедерации племен кочевников необходим один существенный фактор – наличие харизматического рода. Таковую харизму в тот период в степях Восточной Европы мог иметь род Дуло. “Именник болгарских ханов” дает перечень 13 имен ханов, большинство которых происходили из рода Дуло, и при этом на первом месте представлен Авитохол, в котором многие исследователи видят легендарного вождя гуннов Аттилу [Куник 1879, 128–129]. Как справедливо указал А.В. Гадло, первая часть “Именника...” исторична “только от имени третьего лица Гостуна”, а предшествующие имена представляют собой фольклорную традицию [Гадло 1979, 114]. Тем не менее никто не будет оспаривать историчность существования второго хана, которого звали Ирник. Иордан сообщает, что вскоре после смерти Аттилы его младший сын Ернак “вместе с остальными избрал отдаленные места Малой Скифии” [Иордан 1960, 120]. Отсюда следует, что в конце V в. одно гуннское племя заняло бывшие земли разбитых оногурами акациров в Восточном Предкавказье, а в первой половине VII в. оно вполне могло возглавить новую конфедерацию племен, более известную в специальной литературе как Великая Болгария. Вполне возможно, что это главное племя новой протоболгарской конфедерации было известно в “Армянской географии” как *огхондор-балкар-пришельцы* [Патканов 1883, 29].

В пользу того, что в VII в., во времена Кубрата, болгарских племен было действительно пять, свидетельствует Феофан: “...у Фанагории и живущих там евреев обитает множество народов; от самого же озера и до реки, называемой Куфис (Кубань. – О.Б.), где ловится болгарская рыба ксистон, простирается древняя Великая Булгария и живут соплеменные булгарам котраги. Во времена Константина Западного умер властитель упомянутой Булгарии и котрагов Кврат. Он оставил пять сыновей, завещав им ни в коем случае не отделяться друг от друга и жить вместе, так, чтобы они властвовали надо всем и не попадали в рабство к другому народу” [Чичуров 1980, 60–61]. Аналогичную информацию дает также Никифор: “У Меотидского озера, по реке Куфис, располагаются называвшаяся в древности Великой Булгария и так называемые котраги, их соплеменники. Во времена Константина, который умер на западе, некто по имени Кврат, бывший государем этих племен, переменял жизнь, оставил пять сыновей, которым завещал ни в коем случае не отделяться друг от друга...” [Чичуров 1980, 161–162].

Таким образом, этносоциальную структуру внутри каждого из четырех племен Великой Болгарии, без главного гуннского племени, можно представить в иерархическом порядке следующим образом: ветвь рода Дуло (гунны) – роды тюрок-оногуров – сарматские роды. Как видим, потомки покоренных сарматов должны были находиться внутри племени на низшей ступени.

Византийские авторы свидетельствуют, что спустя недолгое время после смерти Кубрата пять его сыновей разделились и удалились друг от друга со своими племенами [Чичуров 1980, 60–61, 161–162]. Феофан и Никифор привели имена некоторых из тех потомков Кврата (Кубрата), кто возглавлял три из этих пяти племен: старшего сына

звали Батбаян (Баян), второго – Котраг, третьего – Аспарух [Чичуров 1980, 60–61, 161–162]. По данным этих византийских авторов и других историков, после нападения хазар Аспарух ушел к Дунаю и поселился там. Хотя при этом Феофан и Никифор сообщают о переходе племен четвертого и пятого из братьев на Запад, в Центральную и Западную Европу [Чичуров 1980, 60–61, 161–162], есть основания поддержать мнение тех исследователей, в соответствии с которым на самом деле в Приазовье остались четыре племени. Именно наличие четырех племен в Великой Болгарии в конце VII в., после отхода на Дунай племени Аспаруха, подтверждает “Армянская география”, где упомянуты племена: *купи-булгар*, *дучи-булкар*, *огхондор-балкар-пришельцы*, *чдаг-болкар*. Все они жили на север от Кубани [Патканов 1883, 29]. Некоторые исследователи считают, что эти племена получили свои наименования по названиям рек и потому их названия могут свидетельствовать о результате внутренней политики хана Кубрата, которая представляла собой процесс объединения предшествующих родоплеменных групп в новые племена по территориальному принципу.

Как видим, после хазаро-болгарской войны четыре племени протоболгар остались в Приазовье и к концу VII в. попали под власть хазар. Имеются основания считать, что там болгарские племена оставались до 737 г., т.е. до окончания последней арабско-хазарской войны. После этого внешняя политика хазар приобрела иную направленность. Вместо стремления утвердиться на Южном Кавказе хазары направили свои и своих вассалов усилия на завоевания земель, находящихся на север от степной части Каганата. В этой экспансии хазары делали упор не только на северокавказских аланов, но и на приазовских болгар. Теперь мы можем констатировать, что одно племя собственно болгар хазары переселили на левобережье Средней Волги, а второе племя было сдвинуто из Приазовья в степи бассейна Дона и Северского Донца, где болгары стали южными соседями аланов северокавказского происхождения (стало быть, в степях Приазовья остались два протоболгарских племени). В результате протоболгары оказались в новых условиях. Это касается в первую очередь донецко-донских протоболгар. В соответствии с этим произошла смена образа жизни.

Благодаря археологическим исследованиям стало известно, что в степях Подонья и Приазовья в VIII–X вв. получили распространение памятники салтовского типа, основной чертой которых было преобладание ямных погребений. Их выделили в отдельный степной (праболгарский) вариант салтовской культуры [Плетнева 1967]. Исходя из особенностей погребального обряда, С.А. Плетнева выделила в данном локальном варианте пять районов: среднедонецкий, нижнедонский, саркельский (цимлянский), лесостепной и еще не сформированный нижнедонецкий [Плетнева 1984, 11–12]. Классическим памятником данного типа является исследованный В.А. Городцовым в среднем течении Северского Донца грунтовой могильник возле х. Зливки [Городцов 1905, 174–225]. Для этого типа погребений были присущи общие черты: довольно часто погребения осуществлялись в грунтовых ямах с заплечиками; иногда в могильных ямах наблюдались подбои; покойники лежали в вытянутом положении на спине с разнообразной ориентацией; наличие инвентаря и т.п. [Мерперт 1957, 33–35; Ляпушкин 1958, 146–147; Рашев 1993, 250].

Н.Я. Мерперт, И.И. Ляпушкин, С.А. Плетнева, М.И. Артамонов, В.Ф. Генинг и А.Х. Халиков пришли к выводу, что памятники данного типа могли быть оставлены лишь болгарами [Мерперт 1957, 33–35; Ляпушкин 1958, 146–147; Плетнева 1967, 185–186; Артамонов 1962, 130–166; Генинг, Халиков 1964, 107–148]. Эти выводы базировались в основном на данных письменных источников, где упоминались как жители степей Восточной Европы в VIII–X вв. прежде всего болгары и на основании того, что в хазарскую эпоху в степях Подонья и Приазовья получили распространение ямные погребения зливкинского типа, делался вывод об их болгарском происхождении. Так ли это на самом деле?

Особенностью погребений зливкинского типа была распространенность там особых краниологических брахикранных серий, происхождение которых Г.Ф. Дебец и В.В. Гинзбург связали с сериями сарматских времен, прежде всего из Нижней Волги [Дебец 1948, 254–256; Гинзбург 1963, 262–263]. Находит аналогии с сарматскими временами и погребальный обряд родоплеменных групп, имеющих отношение к протоболгарам. В результате удалось установить те черты, которые находят аналогии лишь в особенностях догуннской эпохи: 1) брахикранный антропологический тип; 2) погребение в грунтовых ямах с заплечиками; 3) скорченные погребения на боку являлись не только женскими, но и мужскими. Учитывая это, И.И. Ляпушкин высказал предположение, согласно которому в состав протоболгарских объединений должны были войти потомки сарматов, часть из которых могла быть ассимилирована тюрками, а остальные продолжали оставаться сарматами [Ляпушкин 1958, 147]. Этот тезис о возможном участии сарматов в этногенезе протоболгар нашел дальнейшую поддержку в исследованиях М.И. Артамонова, С.А. Плетневой и других исследователей [Артамонов 1962; Плетнева 1982, 24]. Однако в составе болгарских племен на территории Хазарского каганата были не только потомки сарматов, но и тюрок-оногуров. Следует напомнить наблюдения С.Г. Ефимовой и Т.С. Кондукторовой, что антропологический тип раннесредневекового населения Восточной Европы, который традиционно связывается с протоболгарами и их потомками, имел близость не только с сериями сарматского времени на Нижней Волге, но и населения юго-востока Западной Сибири, Казахстана и Алтая в эпоху железа [Ефимова, Кондукторова 1995, 562–583].

Как отделить памятники потомков оногуров и ассимилированных сарматов? Кажется, что в данном случае следует обратить внимание не столько на погребальный обряд, который в степях Подонья – Подонцовья приобрел общие черты, но и на антропологический тип, а также на разделение труда внутри болгарского населения Подонья и Подонцовья. Следует отметить, что памятники зливкинского типа и антропологический тип местного населения, которые находят соответствия в традициях и особенностях племен сарматского времени, имеют отношение в первую очередь к оседлому земледельческому населению. Это отнюдь не означает, что местные болгары не занимались скотоводством, например полукочевым.

Анализируя ситуацию в степях Подонья и Подонцовья в хазарское время, В.К. Михеев пришел к довольно интересному выводу: “Имеющиеся источники дают основания полагать, что на рубеже VIII–IX вв. донская пойма и низовья Дона со степными и лесостепными плато надпойменных террас составляли единый хозяйственно-культурный регион. Населявшие его этносы – хазары, аланы, праболгары и, возможно, угры белые, несмотря на самобытность, приобрели ряд общих черт, свойственных археологическим культурам, формирование которых протекало в рамках одного государства, в данном случае Хазарского каганата. В результате прочной оседлости населения преимущественное развитие получает земледелие. Не вызывает сомнения пашенный характер салтовского земледелия. Наряду с земледелием салтовцы имели развитое пастушеское или отгонно-пастбищное скотоводство, которое предполагало заготовку большого количества кормов на зимний период. Об этом можно судить по многочисленным находкам сельскохозяйственных орудий труда. На памятниках салтово-маяцкой культуры зафиксирована и полуоседлая форма ведения хозяйства с отхожими полями в сезонные откочевки меньшей части населения. Эта форма хозяйства также предполагала заготовку кормов” [Михеев 1985, 51–52]. В занятиях салтовского населения степного Подонья – Подонцовья В.К. Михеев отметил еще одну существенную особенность: “...в рассматриваемый период произошли значительные изменения в металлообрабатывающем и керамическом производстве у населения степей Восточной Европы. В особую отрасль хозяйства – ремесло – выделилась металлообработка... Керамический промысел превратился в ремесло, чему способствовало упрочение оседлости населения Среднего и Нижнего Подонья” [Михеев 1985, 96].

Таким образом, представим ситуацию, когда кочевники-протоболгары были насильственно переселены на берега рек в степях Подонья – Подонцовья, в результате чего занятия кочевым скотоводством стали невозможны. Исходя из приведенных в данной статье наблюдений этнографического характера, можем считать, что в новых условиях к земледелию должны были перейти родовые группы наиболее низкого социального ранга, т.е. потомки сарматов. Кроме земледелия, они должны были заниматься также ремесленной деятельностью, столь непопулярной среди родов кочевников высокого социального положения, но очень необходимой им. В новых условиях роды протоболгар высокого социального ранга, т.е. потомки оногуров, стремились не порывать со скотоводством и поэтому могли перейти к полукочевому скотоводству. В результате двухсотлетнего пребывания в степях Подонья – Подонцовья потомки сарматов навсегда связали себя с земледелием, а полукочевые потомки оногуров имели тенденцию снова перейти к прежнему кочевому скотоводству. И эта возможность для последних появилась в период крушения Хазарского каганата.

В свое время В.К. Михеев о судьбе салтовского населения в степи отметил следующее: “Печенежское вторжение конца IX в. привело в движение массы оседлого населения степных районов салтово-маяцкой культуры, которые мигрируют в лесостепь. В степи возрождается кочевническо-скотоводческий уклад хозяйства, к которому переходят салтовцы, вливаясь в печенежские орды. Хазарский каганат потерял плодородные земли и пастбища, т.е. его экономика была подорвана. С гибелью такого социально-экономического организма, как салтово-маяцкая культура, фактически погибло само Хазарское государство, переставшее теперь претендовать на гегемонию в Восточной Европе” [Михеев 1985, 96]. Однако наши современные представления об этих процессах несколько отличаются от предложенной картины.

Уже имеются основания считать, что хазарские крепости в Подонье – Подонцовье были уничтожены в более позднее время огузами-торками. Так, Константин Багрянородный сообщает, что в середине X в. огузы выходят из-под контроля хазар и вместе с волжскими булгарами начинают борьбу за полную независимость [Константин 1983, 29, 51]. Ибн Мискавейх сообщает, что в 965 г. тюрки (гузы. – О.Б.) напали на Хазарию [Якубовский 1928, 64, 69–70]. Последнее сообщение позволяет считать, что в 965 г. киевский князь Святослав согласовал свои действия с огузами и они вместе принимали участие в уничтожении Хазарского каганата. Именно такая информация дала основания украинскому историку А.Б. Головко считать, что памятники салтовской культуры в Подонье были уничтожены торками-огузами в результате событий 965 г. Однако исследователь при этом указал, что не все салтовское население было уничтожено пришельцами [Головко 1999, 115].

Именно это может означать, что к концу X в. торки-огузы могли заселить освобожденные от хазар степи Волго-Донья, тогда как в степях на запад от Северского Донца продолжали кочевать печенеги. Весьма примечательно, что первое упоминание о “торках” в древнерусских летописях относится уже к 985 г.: “Иде Володимир на болгары с Добрынею, уем своим, в лодях, а торки берегом приведе на коних, и так победи болгары” [Повесть временных лет 1950, 59]. Если в этом сообщении речь идет о приазовских болгарях, то выходит, что торки-огузы в 985 г. должны были проживать в непосредственной близости от них. В приазовских болгарях исследователи склонны видеть, прежде всего, “черных болгар”, о которых упоминает “Повесть временных лет” и Константин Багрянородный [Повість врем’яних літ 1990, 74–75; Константин 1991, 175]. Исходя из сообщений этих источников, можно видеть в “черных болгарях” население степей, т.е. кочевников. После этих событий в письменных источниках не было ни одного упоминания о “черных болгарях”. Следовательно, в 985 г. “черные болгары” были окончательно уничтожены как политическая сила, а вместо них в степях Северного Приазовья поселились торки-огузы. Таким образом, уже в конце X в. в степях

современной Восточной Украины обосновалось одно из кочевых огузских племен, где северные границы их кочевий доходили до среднего течения Северского Донца, а южные – достигали берегов Азовского моря.

В среднем течении Северского Донца до сих пор сохраняются топонимы и гидронимы, указывающие на пребывание здесь торков: реки *Тор (Большой Тор, Казенный Торец)*, *Сухой Торец*, село *Торское* на реке Жеребец, поселки *Торский* и *Торецкий* на реке Казенный Торец, *Торское городище* возле города Славянска. Весьма характерно, что большинство данных гидронимов и топонимов были сосредоточены на правом берегу Северского Донца. В этом же районе возле сел Торское и Марченки были обнаружены в курганах, по крайней мере, три погребения кочевников, обряд захоронения которых во многих деталях совпадает с описанием погребальных традиций гузов в сочинении Ибн Фадлана [Шрамко 1962, 321–322].

Кроме торков, в среднем течении Северского Донца продолжало проживать также оседлое салтовское население, которое традиционно связывают с болгарским населением Хазарского каганата. Данные археологических раскопок позволяют считать, что этими болгарами были оставлены не только крепости хазарского периода возле с. Маяки, с. Сидорово, с. Теплинское, а также неукрепленные поселения, которые непрерывно функционировали как в хазарский, так и послехазарский периоды. Все это позволяет считать, что оседлое салтовское население донецких степей не пострадало в значительной мере от нашествия торков и продолжало сохраняться на бывших местах своего проживания. Следовательно, салтовское земледельческое население среднего течения Северского Донца уже сразу же после появления здесь торков-огузов успешно интегрировалось в социально-экономическую систему огузско-торческого общества.

Однако памятники этого оседлого населения существовали не только в относительно короткий торческий период, но продолжали функционировать и в половецкое время и даже успешно пережили монгольское вторжение. Кроме того, в половецкое время часть этого населения переселилась на запад, на берега Нижнего Днепра, и даже достигла Северо-Западного Причерноморья, что следует связывать с событиями политического характера, происходившими в донецких степях в XII в.

Особо интересны открытые в 1982 г. и исследованные М.Л. Швецовым поселение и синхронный ему могильник возле знаменитого памятника хазарского времени у х. Зливки на левом берегу Северского Донца, в среднем его течении. Редкий инвентарь, обнаруженный там, позволяет предполагать, что в XII–XIII вв. в донецких степях продолжало обитать прежнее салтовское поселение. Погребальный обряд позднего Зливкинского могильника отличается однообразием и имеет аналогии в других синхронных ему некрополях Северного Причерноморья. Исследователь памятника М.Л. Швецов в целом назвал погребения XII–XIII вв. “могильником христиан” [Швецов 1983; Швецов 1984]. Аналогичные позднему Зливкинскому поселению и некрополю памятники располагались рядом на противоположном правом берегу Северского Донца, возле современных сел Сидорово и Маяки. По наблюдениям В.К. Михеева, эти поселения и могильники позднего салтовского населения продолжали функционировать не только в половецкий, но и в более поздний период [Михеев 1985, 23–24].

Генетически связанным с этими памятниками Среднего Подонцовья оказался расположенный на левом берегу Днепра Каменский могильник, представленный 83 грунтовыми захоронениями. Антропологические материалы Каменского могильника, по заключению Т.С. Кондукторовой, находят аналогии в более раннем Зливкинском могильнике хазарского времени, а также в погребениях Саркела и относятся к большой европеоидной расе. Для них характерны брахикrania черепа, среднеширокое лицо [Кондукторова 1957]. По мнению В.П. Алексева, “умеренное выступание носовых костей по отношению к плоскости лицевого скелета и некоторая тенденция к его уплощенности в горизонтальной плоскости говорят о наличии в составе этой серии

монголоидной примеси” [Алексеев 1969, 193]. По наблюдениям Т.С. Кондукторовой, монголоидность наиболее ярко представлена среди женских серий Каменского могильника [Кондукторова 1957, 56–57].

В нашей ситуации нельзя игнорировать предположение исследователя Каменского могильника Э.А. Сымоновича, что в Каменке “антропологический тип погребенных восходит к европеоидному сармато-аланскому населению степей” [Сымонович 1956, 106]. Интерес вызывает также и другое предположение исследователя – относительно происхождения населения Каменского могильника: “В степи, по-видимому, сменялись только основные племена кочевников... Поколения потомков древнего населения степей при этом оставались, подвергаясь ассимиляции пришлыми племенами, и постепенно меняли свой культурный облик” [Сымонович 1956, 106]. С.А. Плетнева даже считала, что Каменский могильник оставила часть ясов (аланов), которая “продвинулась под давлением занявших их земли кочевников с Донца в приднепровские земли” [Плетнева 1958, 185]. Поэтому большой интерес представляет начало функционирования могильника.

По определению А.А. Козловского, только восемь погребальных комплексов содержали материал, который позволил датировать Каменский могильник XII–XIV вв. [Козловский 1992, 120]. Э.А. Сымонович и А.А. Козловский отметили, что инвентарь Каменского могильника во многих чертах имеет аналогии в вещевых комплексах кочевников того времени [Сымонович 1956, 106; Козловский 1992, 160]. Погребальный же обряд захоронений у Каменки находит соответствия в христианских могильниках Южной Руси. Поэтому вполне можно согласиться с таким предположением С.А. Плетневой: “Вполне возможно, что изменения погребального обряда произошли в связи с принятием этой группой населения христианства. Бескурганские могилы, западная ориентировка и находки крестиков в некоторых из погребений говорят в защиту этого предположения” [Плетнева 1958, 185].

Аналогичный Каменскому могильник и связанное с ним поселение были исследованы А.А. Козловским на левом берегу Днепра возле с. Благовещенка Каменско-Днепровского р-на Запорожской обл. По данным С.И. Круц, черепа этого могильника были близки краниологическим сериям из Каменского могильника [Козловский 1992, 160], т.е. относились к зливкинскому типу. Здесь было исследовано 41 грунтовое погребение, совершенное по христианскому обряду. В 19 погребениях Благовещенского могильника был обнаружен инвентарь, который позволил А.А. Козловскому датировать памятник XII–XIV вв. [Козловский 1992, 120]. При исследовании связанного с могильником поселения были обнаружены два жилища, в одном из которых обнаружен датирующий материал, относящийся к XII–XIII вв. [Козловский 1992, 114].

Весьма характерно, что это же население было представлено на могильнике у с. Лимбарь в Молдавии. По наблюдениям исследователя данного памятника И. Хынку, “таких могильников в Молдавии и за ее пределами в непосредственной близости очень мало (в Молдавии их всего три)”. Подавляющее большинство погребений могильника в грунтовых ямах было ориентировано головой на запад (с сезонными отклонениями). У многих погребенных руки были уложены на животе или на груди. Это позволяет говорить о том, что “могильник христианский, хотя не найдены нательные крестики”. Редкий инвентарь позволил датировать могильник XII–XIV вв. [Хынку 1970].

М.С. Великанова подвергла краниологическому анализу 40 черепов (поровну мужских и женских) из могильника у с. Лимбарь. Полученные результаты свидетельствуют, что мужские черепа характеризуются суббрахикранией при средних размерах черепной коробки, а женщины – значительно более длинноголовы и более узколицы. Все это может свидетельствовать в пользу того, что в сложении населения, оставившего могильник, “участвовало два компонента – долихокраний (или мезо-долихокраний) и брахикраний”. По наблюдениям М.С. Великановой, “мужские черепа из серии могильника

обнаруживают явное отличие от средневекового славянского населения этой области, известного по могильнику IX–X вв. у с. Бранешты”. Эти брахикранные черепа относятся к так называемому “зливкинскому”, или “болгарскому”, антропологическому типу, получившему распространение среди салтовского населения степей предыдущей хазарской эпохи. М.С. Великанова пришла к выводу о неместном происхождении брахикранного элемента. Женские же долихокранные черепа, по заключению М.С. Великановой, обнаруживают большое сходство с сериями из соседнего могильника Бранешты. Это дало исследователю основания говорить о “славянской принадлежности долихокранного элемента серии из Лимбарь”. В конечном итоге краниологические измерения, проведенные М.С. Великановой на могильнике у с. Лимбарь, позволили ей прийти к нескольким неожиданным выводам: «...группа, оставившая могильник Лимбарь, относится антропологически к “болгарской”, а не “аланской” части салтово-маяцкого населения. Однако этому обстоятельству вряд ли следует придавать значение. Известно, что термин “алан” употреблялся в исторических документах и в узко этническом, и в широком собирательном смысле. Археологические данные говорят о тесном соприкосновении обоих вариантов салтово-маяцкой культуры, что, возможно, могло повести к поглощению одного этнонима другим» [Великанова 1975, 114–138]. Однако С. Сегеда категорически не согласен с выводом М.С. Великановой относительно брачных связей между мужчинами из средневекового поселения возле с. Лимбарь и женщинами из поселения возле с. Бранешты, потому что “могильник возле с. Бранешты датируется X–XI вв., а лимбарский – XI–XIV в.” [Сегеда 2001, 185–186]. Кроме того, С. Сегеда также считает, что “отдельные группы протоболгар и аланов проживали на юге Украины и в Молдове” вплоть до XIV в.; он склонен также связывать могильник у с. Лимбарь с «оседлыми потомками “болгарской” части салтовской культуры» [Сегеда 2001, 173, 185].

Большой интерес представляет также поселение золотоордынского времени возле с. Торговица на Кировоградщине на берегах р. Синюхи, исследование которого проводили Н. Бокий и И. Козырь. Исследователи отметили Торговицу как комплексный археологический памятник XIV в., который состоит из поселения с яркими чертами золотоордынской культуры и христианского могильника. Могильник был расположен на окраине с. Торговица, на склоне правого берега р. Синюхи. Удалось раскопать более 140 погребений. Погребения там были совершены по христианскому обряду: прямоугольная могильная яма; северо-западная ориентация; вытянутое положение покойников на спине; инвентарь был редким. В некоторых могилах (№20) встречались джучидские монеты, датированные серединой XIV ст. [Бокий, Козир 2003, 41–84].

По определению антрополога Л. Литвиновой, получаем следующую картину: “Анализ мужской и женской серий с грунтового могильника Торговица свидетельствует о неоднородном антропологическом составе и наличии нескольких морфологических типов среди населения, которое оставило этот могильник. Мужская серия, с одной стороны, имеет черты, присущие средневековому населению Южного Поднепровья: Камянка XII–XIV вв., Каиры XIII–XIV вв., Благовещенка XII–XIV вв. и Мамай-Сурка конца XIII – начала XV в., а также населению Среднего Подонья, которое репрезентует серия из Новохарьковского могильника, датированного XIV в... Отмечена также некоторая схожесть с аланским населением бассейна Северского Донца: Дмитровское (VIII–IX вв.), Маяцкое (VIII–IX вв.), Салтов (VIII–IX вв.) – и Северного Кавказа: Гамовское (VI–VII вв.), Адиух (VII–XIII вв.), Казазово-II (VIII–XIII вв.). Женская серия имеет такой же комплекс морфологических признаков, что и женская часть населения Южного Поднепровья...” [Литвинова 2003, 89]. Таким образом, получается, что в XIV в. зливкинский антропологический тип был также широко представлен и среди женского населения золотоордынского поселения близ с. Торговица.

Именно эти данные заставляют поставить ряд вопросов относительно судьбы салтовского населения степи в послехазарский период. Во-первых, какая часть “зливкинского”

населения продолжала сохраняться в степи длительное время и почему? Во-вторых, под каким названием были известны эти группы оседлого степного населения в степи? В-третьих, с какими событиями связано появление христианских могильников с салтовским населением за пределами бассейна Северского Донца именно в XII в.? Кажется, что ответы на эти вопросы может дать сопоставительный анализ данных археологии и антропологии с информацией не только письменных источников, но и свидетельств этнографического характера. А это касается многих вопросов этногенеза средневекового населения степи.

При решении вопросов этногенеза большое значение имеет определение этноса. В соответствии с Ю.В. Бромлеем, под этносом следует понимать историческую межпоколенную общность людей, для которой присущи следующие признаки: 1) проживание на определенной территории; 2) относительно стабильные особенности культуры (включая язык); 3) общность психики; 4) наличие самоназвания, то есть осознание своего единства и отличия от других (антитеза: *мы – они*) [Бромлей 1973; Бромлей 1983]. Тем не менее такой фактор, как проживание на определенной территории, не позволяет принять предложенное определение этноса относительно кочевых обществ, но он весьма приемлем для оседлых земледельческих обществ. По Л.Н. Гумилеву, этнос – это эндогамная общность, где существует подсознательное представление о “своих” и “чужих” [Гумилев 1989]. Таким образом, минимальной этнической, а возможно, и социальной единицей у кочевников и земледельцев могут быть клан как союз родов, племя, союз племен и т.п. Проведенные наблюдения над кочевниками времен Античности, Средневековья и Нового времени позволили обнаружить одну существенную закономерность – образование новых племен или союзов племен у кочевников представляет собой результат рассеяния предшествующих этнических групп населения степи с дальнейшим их включением в состав новых племенных образований на правах родов, где роды или племена завоевателей занимали высшую социальную ступень в обществе, чем роды или племена, которые происходили из среды подчиненного населения. При этом роды образовывались также путем деления прежних больших родовых групп на более мелкие. Так образовывалась кланово-линейная система, т.е. фратрия. В степи род занятий родовых групп зависел от ряда факторов этнического, политического, природно-географического и социального характера. Получается, что в степном социуме нет четких границ между кочевым и оседлым состоянием, ибо они постоянно варьируются. При этом формирование племен или союзов племен происходило вокруг одного рода или клана, название которого во многих случаях становилось племенным названием. Это находило отражение в родословных кочевников, где политические связи были представлены в виде родственных, а подчиненные племена и роды объявлялись младшими по происхождению. При этом языковая принадлежность у кочевников не играла ведущей роли – известны случаи, когда отдельные племена или объединение племен на протяжении непродолжительного времени меняли свой язык. Итак, заимствованный советскими этнографами у лингвистов подход, согласно которому существуют понятия об языковой ассимиляции, о субстрате и суперстрате, а иногда об адстрате, относительно объяснения этнических процессов в среде кочевников и зависимость от них населения не является убедительным. Следовательно, основной доминантой в этногенезе населения степи был не языковой фактор, а маргинальность, что обнаруживалась в наличии самосознания, отображением которой является существование самоназвания.

При этом самосознание у жителей степей происходило на нескольких уровнях, в зависимости от того, каким путем образовывался род: путем включения в состав племенной осколка инородной этнической группы или же путем деления прежней большой родовой группы на более мелкие роды. В последнем случае имеем следующую схему самоидентификации, т.е. осознания своей принадлежности: род – кланово-линейная

система (фратрия) – племя – конфедерация племен (этнос). В первом случае схема будет более упрощенной: род – племя – конфедерация племен. Как известно, наиболее стойкой единицей является род. Стало быть, осознание своей принадлежности к определенной родовой группе является наиболее стойким. Не стоит также забывать, что таким же стойким может быть и самоназвание членов родовой коллектива. Поэтому, руководствуясь предложенной схемой, постараемся проследить судьбу тех родовых групп протоболгар, которые оказались в степях Восточной Европы в раннее и развитое Средневековье.

Как уже отмечалось, на рубеже V–VI вв. потомки сарматов Нижней Волги на правах родовых объединений могли быть включены в состав пяти племен протоболгар. Пример с туркменскими аланами свидетельствует о том, что такие обломки предыдущих этнических групп получали внутри племени названия, производные от этнонима. Уже обращалось внимание, что Г.И. Карпов (А. Бахтиаров) считал носителей этнонимов *олам* и *улам* аланами, и для этого были определенные основания. Его информаторы сообщили, что “олам раньше назывались алан” [Карпов, Арбеков 1930, 28]. Данное сообщение подтверждается наличием рода *Алан* среди представителей племени *улам*, проживавшего компактно в Ходжамбасском районе Туркменистана. Кроме того, племя *улам* включало в свой состав и другие неаланские роды [Бахтиаров 1930, 39]. Стало быть, этнонимы *олам* и *улам* представляют собой искаженный в огузской языковой среде этнический термин *алан*. Известен туркменам был и другой этнический термин, применявшийся для обозначения аланов. Так, по данным Г.П. Васильевой, в состав туркменского племени игдыров входило родовое подразделение *Аса (Ас)*, которые, по ее мнению, являлись потомками ираноязычных асов [Васильева 1977, 98]. Таким образом, туркмены представляют собой единственный тюркоязычный этнос, в среде которого продолжали использоваться два этнических термина для обозначения потомков ираноязычных номадов – *олам–улам (алан)* и *ас*. Данный факт можно объяснить тем, что Средняя Азия являлась одной из первичных территорий двух близкородственных этнических групп – аланов и асов, которые впоследствии были ассимилированы тюркоязычными предками туркмен. В среде же других тюркоязычных народов такая ситуация не наблюдается.

Что же касается распространения этнонимов *алан* и *ас* в эпоху Средневековья среди других тюркоязычных народов, то там этнический термин *алан* не получил распространения, хотя был хорошо известен этноним *ас* [Радлов 1893а, 359, 535; Немет 1960, 4]. Вполне возможно, что первой этнической группой сармато-аланского происхождения, с которой могли познакомиться тюркоязычные народы в Центральной Азии, являлись асы. Впоследствии это могло способствовать перенесению тюрками данного наименования также на близкородственных асам аланов и других потомков ираноязычных номадов. Стало быть, в среде тюркоязычных племен протоболгар родовые группы сарматского происхождения могли называться *ас*.

Однако письменные источники развитого Средневековья дают другую форму этнонима – *ясы*. Впервые этноним *ясы* фиксируется в древнерусских летописях при описании похода Святослава против хазар на Нижний Дон в 965 г., где была захвачена хазарская крепость Саркел – Белая Вежа [Ипатьевская... 1843, 246; Воскресенская... 1856, 287]. А это может означать, что этот этнический термин появился в древнерусском языке именно после этих событий, то есть мог представлять собой заимствование. Однако если учесть, что самые ранние из дошедших до нас списков “Повести временных лет” были составлены лишь в XII в., то данный вопрос остается открытым. Термин *ясы* мог попасть в древнерусскую традицию и после событий начала XII в.

Ясы как соседний с Русью народ упоминаются в тех разделах летописей, где речь идет о походе Ярополка, сына Владимира Мономаха, в 1116 г. против половцев на “Дон”, под которым подразумевают Северский Донец. Летописец сообщает: “...Ярополк

ходи на половецкую землю, к реке Дону, и ту взя полон мног и города пойма Половецкие, Галин, Чешуев, Сутров; и Ясы поймав с собою приведе, и жену полони себе Ясыню”. В летописях также сказано, что полонянка Ярополка была “красна весьма” и была “ясского князя дщерь” [Воскресенская... 1856, 24; Ипатьевская... 1843, 7, 8, 291]. В Ипатьевской летописи уточняется, что Ярополк взял не только три “грады”, но и “сел много” [Ипатьевская... 1843, 291]. С данным сообщением перекликается другое, где речь идет о походе Владимира Мономаха против половцев на “Дон” в 1111 г. В результате этой с блеском осуществленной воинской операции половецкая крепость “Шарукань (Чешуев)” была захвачена без боя, а город “Сугров” был сожжен. Вследствие этого половцы потерпели окончательное поражение на р. Сальнице. Наиболее подробные сведения об этом походе содержатся в Ипатьевской и Воскресенской летописях [Ипатьевская... 1843, 21; Воскресенская... 1856, 22]. Однако вопрос в том, кого авторы летописей называли “ясами” при описании этих событий. Говорить об их связи с северокавказскими аланами не приходится, ибо даже в хазарское время в степном Подонье – Подонцове катакомбные могильники салтовской культуры практически не прослеживаются. Зато нам известно в данном районе население другого происхождения.

По мнению Ю. Немета, в славянские языки термин *ас* проник из тюркских языков и принял форму *яс* [Немет 1960, 4]. И.Г. Добродомов считал: «В этнониме “*ас*” “*а*” был под ударением (и поэтому долгий), он отразился на славянской почве как “*а*”, перед которым закономерно ставился протетический “*й*”. Из этого следовало, что этноним “*ас*” произносился как “*яс*”, “*Ясин*”» [Добродомов 1988, 88]. По мнению же О. Прицака, термин *яс* своим происхождением связан с этнонимом *ас* и попал в древнерусский язык из гунно-булгарского языка, где «древнее начальное “*а-*” переходит в “*йа-*” (например, “*ат*” – имя, чувашское “*ят*”»» [Прицак 1997, 4–5].

В Венгрии с самого начала ясы были известны как *Iassones*, *Iassini* (в латинской транскрипции) или как *Jasz* в единственном числе и *Jaszok* во множественном числе (в венгерской транскрипции) [Ламанский 1902, 119]. Именно это дает основания считать, что данный термин мог попасть к венграм либо из языка восточных славян, либо из языка болгар. В пользу последней версии могут свидетельствовать наблюдения В.И. Абаева. По его мнению, существует 40 венгерско-осетинских параллелей. Осетинский филолог отметил, что венгры позаимствовали много аланских (осетинских) слов и понятий из разных областей хозяйства, культуры и быта. Кроме того, ученый установил не только факты заимствований в венгерский из осетинского языка, но и доказал на довольно большом количестве фактического материала обратные заимствования – из венгерского в осетинский. Весьма показательно, что тюркские слова в осетинском и венгерском языках, по мнению В.И. Абаева, стали опять-таки результатом алано-венгерских двусторонних заимствований. В.И. Абаев объясняет это следующими обстоятельствами: “а) заимствование в оба языка произошло в одно и то же время, именно в период алано-венгерского соседства; б) источником заимствований был в каждом случае один и тот же тюркский язык, вероятнее всего болгарский, хазарский или печенежский; в) в отдельных случаях один из двух языков мог служить посредником для другого, т.е. некоторые тюркские слова могли войти сперва в венгерский, а оттуда в аланский, или наоборот, сперва в аланский, а оттуда в венгерский”. На основании этого В.И. Абаев пришел к следующему выводу: “Исторические свидетельства позволяют восстановить для VI–IX вв. картину, когда в степях между Волгой, Доном, Азовским морем и Кубанью три этнических группы находились в тесном соседстве и активных отношениях: аланская, венгерская и тюркская” [Абаев 1965, 517–529]. Если учесть, что ближайшей к венграм тюркской группой в степях Приазовья были болгары, то заимствованием из болгарского в венгерский следует считать этнический термин *ясы* (*Jaszok*).

Таким образом, получается, что на рубеже V–VI вв. родовые группы сарматского происхождения внутри протоболгарских племен могли уже называться не иначе как *яс*.

Если же таких родовых групп внутри каждого протоболгарского племени было несколько, то в название каждой такой родовой группы мог входить термин *яс*, а представителей таких сарматских родов могли называть не иначе как “ясы”. Не исключено, что несколько родов “ясов” могли образовывать внутри каждого из болгарских племен отдельные фратрии (кланово-линиджные системы). Соответственно проявлением их самосознания на микроэтническом уровне могло являться самоназвание *яс*, т.е. указывалось на принадлежность к одному из яских родов. Такая ситуация внутри четырех-пяти протоболгарских племен, но с незначительными изменениями, могла сохраняться на протяжении VII в., т.е. в период существования Великой Болгарии и покорения болгарских племен хазарами.

Как уже отмечалось, с VIII в. по середину X в., по крайней мере, одно из болгарских племен проживало в степях Подонья – Подонцовья, где к оседлому образу жизни перешли роды сарматского происхождения, а роды оногуров стали заниматься полукочевым скотоводством. Именно такая разобщенность экономического и этнографического характера могла препятствовать дальнейшей этнической консолидации. Поэтому вполне логично выглядит ситуация: когда после 965 г. в степях Подонья – Подонцовья появились торки, то в состав племен (или одного племени) этих кочевников могли войти полукочевые роды оногуров. При этом торки разрушили лишь крепости возле сел Маяки, Сидорово и т.п. Неукрепленные земледельческие и ремесленные поселения салтовцев остались. Именно такую ситуацию видим и в более позднее половецкое и монгольское время. Кочевникам невыгодно было уничтожать те стационарные хозяйственные центры в степи, которые дают скотоводам то, в чем они остро нуждаются, – продукты земледелия, оружие и т.п. В этом следует видеть характерную черту кочевого общества.

Данные этнографии свидетельствуют о том, что раз в год, во время сбора урожая, кочевники – господствующая социальная группа – приходят получить свою часть урожая [Зейберт 1977, 14–21]. Однако можно говорить о том, что в кочевой степи отношения номадов и жителей стационарных поселений не всегда базировались лишь на политическом доминировании первых. Так, в Аравии кочевники-бедуины традиционно занимали господствующее положение относительно земледельцев-феллахов, с которых они не только собирали дань, но и защищали их от набегов других кочевников. Каждое кочевое племя имело свой населенный пункт, где кочевники обменивали продукцию животноводства на продукты земледельцев. Бедуины посещали такие поселения в определенное время года – *мусабила*. Представители обедневших бедуинских родов могли оставаться жить в этих стационарных поселениях в степи [Бодянский 1971, 85]. Если учитывать традиционный консерватизм кочевых обществ, то можно считать, что такая ситуация сохранялась в донецких степях не только в торческий, но и в половецкий период, который здесь наступил во второй половине XII в. И местным оседлым населением продолжали быть родовые группы потомков салтовцев, в среде которых в качестве самоназвания продолжал бытовать термин *яс*.

И когда в 1111 г. на Донец совершил свой поход Владимир Мономах, а в 1116 г. – Ярополк, то они застали здесь зависимое от половцев население, которое называло себя ясами. Получается, что в “Повести временных лет” это население было зафиксировано как “ясы” не потому, что они были по языку близки северокавказским аланам, а потому, что это было всего лишь их самоназвание. Безусловно, с этими событиями связано и появление в XII в. могильников близ с. Каменка в Нижнем Поднепровье и возле с. Лимбарь в Молдавии. Трудно сказать, было ли это бегство от нападения князей Руси, либо эти оседложивущие группы решили воспользоваться ситуацией, чтобы уйти из-под опеки ханов донецких половцев. В пользу последнего может свидетельствовать распространение христианства среди потомков салтовцев, что было возможно лишь при наличии близких дружеских отношений со славянами. И это население пережило в

XIII в. нашествие монголов, взаимоотношения которых с оседлым населением степи строились на тех же принципах, что и у предшественников-кочевников.

К сожалению, языковые процессы в степи, где кочевники постоянно взаимодействовали с местными земледельцами, еще недостаточно изучены. Быть может, часть этих потомков сарматов продолжала длительное время сохранять свой язык. Однако неизвестно, до какого времени. Особый интерес представляет этнолингвистическая ситуация внутри каждого из пяти протоболгарских племен во второй половине VII в., когда в результате нападения хазар один из вождей болгарских племен – хан Аспарух ушел со своим племенем на Дунай.

В связи с этим интерес представляют наблюдения О.Н. Трубачева по данному поводу: «Из совершенно другой, хронологически более поздней эпохи происходит такой бесспорный иранизм болгарской анропонимии, как *Аспарух* (с вторичными вариантами, объясняемыми тюркским сингармонизмом и для нас поэтому несущественными), имя предводителя тюрков-булгаров, овладевшего славянской Болгарией на Балканах (VII в. н.э.). Это имя правильно объясняется из ир. *Asparuk* ‘светлый конь’ или ‘(имеющий) светлых коней’, ср. тождественное исторически иранское личное имя *’Асф̄оруус* из греческой надписи в Ольвии. Тюркский хан мог в данном случае носить чисто иранское (скифо-сарматское) имя, но можно также предполагать у тюрков-булгаров наличие вплоть до прихода на Балканы иранской прослойки. И то, и другое находит объяснение в том обстоятельстве, что эти тюрки пришли на Балканы через Северное Причерноморье. Последнее предположение о длительном сохранении ираноязычной прослойки среди тюрков-булгаров представляло бы, как нам кажется, перспективу вероятного истолкования такого изолированно стоящего слова, как болг. *стопан(ин)* ‘хозяин’. Этот болгарский социальный термин (диалектно также в сербском) мы объясняем как заимствование из ир. **asta-pan-* ‘защитник, покровитель дома’, ср. авест. *asta-* ‘дом, домашний очаг’, согд. **st- *asta-* ‘имущество, состояние’, второй компонент представляет собой очень распространенную в иранском именную основу *-pana-* ‘охрана, защита: защитник’...» [Трубачев 1967, 36–37].

Исходя из этого, можем констатировать, что в среде остальных четырех протоболгарских племен должны были иметь место аналогичные процессы. Таким образом, можно говорить о том, что в VII в. процесс языковой ассимиляции потомков сарматов тюркоязычными оногурами внутри протоболгарских племен еще не завершился. Однако можно объяснить эти два отмеченных О.Н. Трубачевым иранизмы не только внутренним фактором, но и результатом контактов приазовских протоболгар с аланами Северного Кавказа. К тому же выглядит странной ситуация, при которой в современном славянском болгарском языке так мало поздних (средневековых) иранизмов. Скажем, в украинском и русском языках их значительно больше, что находит вполне приемлемые объяснения. Получается, что пока рано говорить о сохранении ираноязычной прослойки внутри болгарских племен в период хазаро-болгарского конфликта, последовавшего за распадом Великой Болгарии Кубрата.

Стало быть, невозможно предполагать языковую ситуацию среди салтовского населения степного Подонья – Подонцовья в VIII–X вв. Одно можно сказать: языковые процессы в условиях кочевого быта протекают в соответствии с одними закономерностями, а ситуация, когда представители одной общности принадлежат к двум хозяйственно-культурным типам (оседлому земледельческому и полукочевому скотоводческому), подчиняется другим законам. Поэтому пока невозможно сказать, на каком языке говорили донецкие ясы в начале XII в., когда они оказались в эпицентре событий, связанных с походами Владимира Мономаха и Ярополка против половцев. Точно так же, как невозможно определить, какое происхождение имела форма этнонима *ясы* – болгарское или славянское.

Однако имеется одна существенная закономерность с употреблением этнонимов – название народа может трансформироваться в соответствии с особенностями языковой среды. Получается, если бы ясы говорили на кипчакском языке, то их самоназванием был бы термин не “ясы”, а “асы”. Вполне возможно, что в первые десятилетия XIII в. ясы на территории Молдовы (там, где находился могильник Лимбарь) могли быть подвергнуты языковой ассимиляции со стороны кипчакоязычных куманов. В связи с этим обратим внимание на одну деталь.

В конце Ватиканского кодекса имеется датированная 1243 г. приписка, в которой непосредственными соседями болгар названы *асы*, т.е. аланы. Именно это дало основание Ф. Бруну утверждать, что в данном случае по соседству с Дунайской Болгарией, “а не с Волжской Болгарией, должна была находиться страна Асов, куда был отправлен татарский полководец Субудай Багадур после похода, предпринятого Батыем против Пулу (поляков. – *О.Б.*) и Башкурдов (венгров. – *О.Б.*)” [Брун 1880, 355].

В итоге необходимо отметить, что сохранение в степях Восточной Европы родовых групп сарматского происхождения, носителей особого “зливкинского” антропологического типа, с конца V в. по середину XIV в. не представляется невозможным. Пример с туркменскими аланами показывает и более значительную хронологическую дату – более 1500 лет. Однако следует учитывать, что эти группы сармато-аланского населения в процессе интеграции в иную языковую и этническую среду очень рано могли утратить свой язык и приобрести культурные особенности нового тюркоязычного населения степи. При этом на уровне родового самосознания они могли сохранить память о своем сармато-аланском происхождении. В данном случае речь идет о длительном бытовании среди родовых групп сарматского происхождения, переселившихся с протоболгарами из Нижнего Поволжья в степи Северного Причерноморья, самоназвания *яс*, происходящего от одного из обозначений для сармато-аланов – *ас*. В соответствии с традициями кочевого общества потомки этих сарматов в объединении протоболгар заняли низшую ступень в социальной иерархии и поэтому в хазарский период полностью перешли к оседлому образу жизни. Именно этот фактор способствовал сохранению этих оседлых групп населения степи в последующие торческий, половецкий и монгольский периоды. В среде современных исследователей для обозначения этих групп степного населения обычно используется термин “алано-болгары”. Однако, как удалось установить, они не имели прямого отношения к северокавказским аланам, носителям иного антропологического типа и другой культуры. Поэтому более удачным может являться термин “сармато-болгары”. Автор статьи, в отличие от многих историков и археологов, для объяснения процессов этносоциального и культурного характера в степях Восточной Европы периода раннего и развитого Средневековья широко использовал этнографический материал о поздних кочевниках. Как видим, это себя оправдывает, ибо процессы внутри степного социума подчиняются одним и тем же законам, вне зависимости от места и времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В.И.* К алано-венгерским связям // *Europa et Hungaria* (Congresus et ethnographicus). Budapest, 1965.
- Абрамова М.П.* Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. Москва, 1989.
- Агафий.* О царствовании Юстиниана. Москва, 1953.
- Агеева Р.А.* Страны и народы: происхождение названий. Москва, 1990.
- Алексеев В.П.* Происхождение народов Восточной Европы. Москва, 1969.
- Артамонов М.И.* История хазар. Ленинград, 1962.
- Ашмарин Н.И.* Болгары и чувашаи. Казань, 1902.
- Бахтияров А.* Осколки “исчезнувших” аланов // *Туркменоведение*, 1930, №8–9.
- Бодянский В.Л.* Современный Кувейт. Москва, 1971.

Бокій Н., Козир І. Комплекс золотоординського часу біля с. Торговиця на Кіровоградщині (попередні публікації) // **Центральна Україна за доби класичного середньовіччя: студії з історії XIV ст.** Київ, 2003.

Бромлей Ю.В. **Этнос и этнография.** Москва, 1973.

Бромлей Ю.В. **Очерки теории этноса.** Москва, 1983.

Брун Ф. **Черноморье.** Т. II. Одесса, 1880.

Бубенок О.Б. **Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.).** Киев, 1997.

Бубенок О.Б. До питання про кореляцію соціальних, етнічних та господарських факторів в кочових суспільствах Євразії та Північної Африки // **Східний світ**, 2002, № 2.

Бубенок О.Б. **Алани-аси у складі середньовічних етнополітичних об'єднань Євразійського степу.** Автореф. дис. ... док. іст. наук. Київ, 2006.

Бушаков В.А. **Тюркская этноэкономика Крыма.** Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Херсон, 1992.

Васильева Г.П. Этнографические данные о происхождении туркменского народа // **Советская этнография (СЭ)**, 1964, № 6.

Васильева Г.П. Этнические компоненты в составе туркмен // **Проблемы этногенеза туркменского народа.** Ашхабад, 1977.

Васильева Г.П. Этнические процессы у западных туркмен // **СЭ**, 1985, № 5.

Великанова М.С. **Палеоантропология Пруско-Днестровского междуречья.** Москва, 1975.

Владимирцов Б.Я. **Общественный строй монголов.** Ленинград, 1934.

Воскресенская летопись // **Полное собрание русских летописей (ПСРЛ).** Т. VII. Санкт-Петербург, 1856.

Гадло А.В. **Этническая история Северного Кавказа IV–X вв.** Ленинград, 1979.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. **Ранние болгары на Волге.** Москва, 1964.

Гинзбург В.В. Антропологический состав населения Саркела–Белой Вежи // **Материалы и исследование по археологии СССР (МИА).** № 109. Москва, 1963.

Голованко О.Б. Торки в історії причорноморських степів // **Східний світ**, 1999, № 1–2 (Etymon. До 80-річчя академіка О. Прицака).

Гоман Ю.О. **Походження та етнополітичний розвиток причорноморських ногайців в XIII–XVI ст.** Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2002.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г. // **Труды XII Археологического съезда в Харькове 1902 г.** Т. I. Москва, 1905.

Горский В. О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае династии Цинь и имени народа Маньчжу // **Труды членов Российской духовной миссии в Пекине.** Т. I. Санкт-Петербург, 1852.

Гумилев Л.Н. **Этногенез и биосфера земли.** Ленинград, 1989.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // **Труды института этнографии АН СССР (Новая серия).** Т. IV. Москва, 1948.

Димитров Д.И. **Прабългарите по Северното и Западното Черноморие.** Варна, 1987.

Добрев П. **Името българи – ключ към древната българска история.** София, 2002.

Добродомов И.Г. Оскол (этимологический этюд) // **Советская тюркология**, 1988, № 2.

Древнетюркский словарь. Ленинград, 1969.

Ефимова С.Г., Кондукторова Т.С. Население салтово-маяцкой культуры Восточной Европы по данным краниологии // **Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ).** Вып. IV. Симферополь, 1995.

Живков Б. **Хазария през IX и X век.** София, 2010.

Зейберт В.Д. **Кочевники Западной Сахары в процессе этнической консолидации (анализ социальной и этнической структур в конце XIX – начале XX вв.).** Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва, 1977.

Иордан. **О происхождении и деяниях гетов /** Пер. с лат. Е.Ч. Скржинской. Москва, 1960.

Ипатьевская летопись // **ПСРЛ.** Т. II. Санкт-Петербург, 1843.

Карпов Г.И., Арбеков П.Б. Салыры (Салоры) // **Туркменоведение**, 1930, № 6–7.

Кляшторный С.Г., Султанов Г.И. **Государства и народы евразийских степей в древности и средневековье.** Санкт-Петербург, 2000.

Ковалевская В.Б. Археологические следы пребывания древних болгар на Северном Кавказе // **Плиска – Преслав. Прабългарската култура** (Материали от българо-съветската среща, Шумен, 1976). Т. II. София, 1981а.

- Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // **Степи Евразии в эпоху средневековья**. Москва, 1981б.
- Ковалевская В.Б. Хронология древностей северокавказских алан // **Аланы: история и культура**. Владикавказ, 1995.
- Козловський А.О. **Історико-культурний розвиток Південного Подніпров'я в IX–XIV ст.** Київ, 1992.
- Комар О.В. “Кубрат” і “Велика Булгарія”: проблеми джерелознавчого аналізу // **Сходознавство**. № 15. Київ, 2001.
- Кондукторова Т.С. Палеоантропологические материалы из средневекового Каменского могильника // **Советская археология (СА)**, 1957, № 1.
- Кононов А.Н. **Родословная туркмен**. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. Москва – Ленинград, 1958.
- Константин Багрянородный. **Об управлении империей**. Москва, 1989.
- Константин Багрянородный. **Об управлении империей** / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. Москва, 1991.
- Кримська область // **Історія міст і сіл УРСР**. Київ, 1974.
- Кулаковский Ю.А. **История Византии**. 602–717 годы. Санкт-Петербург, 1996.
- Куник А. О родстве Хагано-Болгар с Чувашиами по славяно-болгарскому Именнику // **Записки императорской Академии наук**. Т. XXXII. Кн. II. Санкт-Петербург, 1879.
- Ламанский В.И. Заметка об ясах и аланах // **Труды XI Археологического съезда**. Т. 2. Москва, 1902.
- Литвинова Л. Антропологічний склад населення Центральної України доби середньовіччя (за матеріалами ґрунтового могильника Торговиця) // **Центральна Україна за доби класичного середньовіччя: студії з історії XIV ст.** Київ, 2003.
- Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // **МИА**. № 62. Москва, 1958.
- Максимов Е.К. Позднейшие сармато-аланские погребения V–VIII вв. на территории Нижнего Поволжья // **Труды Саратовского областного музея краеведения (Археологический сборник)**. Вып. 1. Саратов, 1956.
- Марков Г.Е. **Очерк истории формирования северных туркмен**. Москва, 1961.
- Менандр. Продолжение истории Агафиевой // **Византийские историки** / Пер. с греч. С. Дестуниса. Санкт-Петербург, 1860.
- Мерперт Н.Я. **К вопросу о древнейших болгарских племенах**. Казань, 1957.
- Михеев В.К. **Подонье в составе Хазарского каганата**. Харьков, 1985.
- Моисей Хоренский. **История Армении** / Пер. с древнеарм. Н.О. Эмина. Москва, 1858.
- Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // **Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время**. Москва, 1989.
- Немет Ю. **Список слов на языке ясов, венгерских алан**. Орджоникидзе, 1960.
- Нечаева Л.Г. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // **Исследования по археологии СССР**. Сборник в честь М.И. Артамонова. Ленинград, 1961.
- Новосельцев А.П. **Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа**. Москва, 1990.
- Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // **Журнал министерства народного просвещения**, 1883, ч. ССXXXVI.
- Перициц А.И. **Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX – первой половине XX вв.** Москва, 1957.
- Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // **МИА**. № 62. Москва, 1958.
- Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // **МИА**. № 142. Москва, 1967.
- Плетнева С.А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья. // **Плиска – Преслав. Прабългарската култура** (Материали от българо-съветската среща, Шумен, 1976). Т. II. София, 1984.
- Повість временных лет** / Под ред. Д.С. Лихачева. Ч. I. Москва – Ленинград, 1950.
- Повість врем'яних літ**. Літопис (за Іпатським списком). Київ, 1990.
- Приск. Сказания Приска Панийского / Пер. с греч. Г.С. Дестуниса // **Ученые записки второго отделения императорской Академии наук**. Вып. 1. Санкт-Петербург, 1861.
- Прицак О. Предисловие // Бубенок О.Б. **Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.)**. Киев, 1997.

- Приходнюк О.М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н.е.). Київ – Чернівці, 2001.
- Прокопий из Кесарии. **Война с готами** / Пер. с греч. С.П. Кондратьева. Москва, 1959.
- Радлов В.В. **Опыт словаря тюркских наречий**. Т. I. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1893а.
- Радлов В.В. **Опыт словаря тюркских наречий**. Т. I. Ч. 2. Санкт-Петербург, 1893б.
- Рашев Р. К вопросу о происхождении праболгар // **МАИЭТ**. Вып. III. Симферополь, 1993.
- Рашев Р. **Прабългарите през V–VII век**. Велико Търново, 2000.
- Рашев Р. **Прабългарите през V–VII век**. Второ допълнено издание. София, 2004.
- Ронин В.К. Так называемая Хроника Федегара // **Свод древнейших письменных известий о славянах**. Т. II. Москва, 1995.
- Саханев В.Б. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // **Известия Археологической комиссии**. Т. 56. Москва, 1914.
- Сегида С. **Антропологічний склад українського народу**. Етногенетичний аспект. Київ, 2001.
- Сиротенко В.Т. Основные теории происхождения древних болгар и письменные источники IV–V вв. // **Ученые записки Пермского государственного университета**. Т. XX. Вып. 4. Пермь, 1961.
- Сымонович Э.А. Погребения X–XI вв. Каменского могильника // **Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР**. Вып. 65. Москва, 1956.
- Толстова Л.С. Исторический фольклор каракалпаков как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей этого народа // **Этническая история и фольклор**. Москва, 1977.
- Толстова Л.С. Отголоски ранних этапов этногенеза народов Средней Азии в ее исторической ономастике // **Ономастика Средней Азии**. Москва, 1978.
- Толстова Л.С. **Исторические предания Южного Приаралья**. Москва, 1984.
- Тортіка О.О. **Історична географія та населення Великої Болгарії (630–660 рр.)**: методика дослідження кочових суспільств середньовіччя. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Харків, 1999.
- Трубачев О.Н. Из славяно-иранских лексических отношений // **Этимология**. 1965. Москва, 1967.
- Хазанов А.М. **Социальная история скифов**. Москва, 1975.
- Хынку И. **Лимбарь – средневековый могильник XII–XIV вв.** Кишинев, 1976.
- Швецов М.Л. Отчет об археологических исследованиях могильника у хут. Зливки в 1983 г. // **Научный архив Института археологии НАН Украины (НА ИА НАНУ)**. Ф. э. №20959–20960.
- Швецов М.Л., Цимиданов В.А., Дубовская О.Р., Кравец Д.П. Отчет Донецкой археологической экспедиции областного лагеря юных археологов об археологических исследованиях многослойного памятника “Зливки” у с. Ильичевка Краснолиманского р-на Донецкой обл. в 1984 г. // **НА ИА НАНУ**. Ф. э. № 21398.
- Шрамко Б.А. **Древности Северского Донца**. Харьков, 1962.
- Феофилакт Симокатта. **История** / Пер. с греч. С.П. Кондратьева. Москва, 1957.
- Якубовский А.Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // **Византийский временник**. Т. 25. Ленинград, 1928.
- Dunlop D.M. **The history of the Jewish Khazars**. 2 ed. New-York, 1954.
- Pritsak O. The Proto-Bulgarian military inventory inscriptions // **Studia Turco-Hungarica**. Т. V. Budapest, 1981.
- Pritsak O. Orientrung und Farbsymbolyc. Zu den Farbenbezeichnungen in den altaischen Volkernamen // **Studies in Medieval Eurasian History**. London, 1981a.